

Николай Селюченко

ЯБЛОКО
ПО
ИМЕНУ
МАРИНА

Собранный роман

Николай Васильевич Семченко Яблоко по имени Марина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8079542
Семченко Н. Яблоко по имени Марина: Гелеос; 2014
ISBN 978-5-4474-0127-6

Аннотация

Роман «Яблоко по имени Марина», изданный известным московским издательством «Гелеос» в 2006-м, стал бестселлером серии «Лучший любовный роман». Не смотря на большой тираж, найти его невозможно: во всех интернет-магазинах один ответ: «Книга распродана».

О большой любви, конечно, мечтают все. «Порой кажется, что этими мечтами пропитан воздух, которым мы дышим., – отмечается в самой первой аннотации этого романа. – Или просто кто-то рядом надкусил кисло-сладкое яблоко. Яблоко раздора. С него началась Троянская война. Но с простого яблока может начаться и самая великая история любви». И при этом не обязательно быть великими людьми.

Текст романа в предлагаемом вам издании даётся в авторской редакции.

Содержание

Часть первая, или Полёты во сне	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Семченко Яблоко по имени Марина

Посвящается, конечно, Марине

Часть первая, или Полёты во сне

А потом он вынул из кармана кителя золотисто-зеленую коробку «Герцеговины Флор», помял папиросу между пальцами, прикурил и спросил:

– Ну что ты, Паша? Обиделся? Я просто хотел показать, как развести костер побыстрее. Видишь, горит отлично...

Конечно, у меня получалось не так ладно, может, бумага была сыроватой, да и сухие веточки я положил не сверху, а снизу – надо было шалашиком их ставить, а я вроде как поленницу выложил, но, дядя Володя, как ты не мог догадаться, что и мне хотелось показать Марине: умею разжигать костер, и картошку печь умею, и вообще, я уже не такой маленький, как ты думаешь, дядя Володя. Но ты, засмеявшись, легонько и как-то небрежно отодвинул меня крепкой ладонью, пошевелил-пошурудил конструкцию из веток, сучьев, обломков досок – и все это будто само собой установилось как надо, и желтая змейка огонька заскользила по тоненьким прутикам, и затрещал пучок сухой травы, а дядя Володя, довольный, шутливо возопил:

– Взвейтесь кострами, синие ночи!..

Марина, аккуратно подобрав юбку, сидела на валуне, покрытом бархатным ковриком коричневого мха.

Сверху сухой, мох таил в себе влагу, и Марина, конечно, об этом знала, потому что положила под себя газету, а может, она просто была, как всегда, расчетливой и предусмотрительной. Про нее мама говорила отцу, который почему-то стал бриться два раза в день, и при этом намыливал лицо не обычным мылом, а какой-то заграничной пахучей пеной, – так вот, мама говорила, печально улыбаясь: «Квартирантка не такая уж и простушка! Каждое свое движение на семь шагов вперед просчитывает. Да оно и понятно: бухгалтер!».

Папа пожимал плечами:

– Ну, ты и выдумала! Марина нормальная девушка, зря ты на неё наговариваешь.

– Как же! Нормальная, – передразнивала мама. – Хитренькая, как лисичка-сестричка: смотри, как она быстро Володю окрутила! Скромняга, ничего не скажешь, – мама хмыкала. – Захотела – и прибрала парня к рукам, хоть он ей и не нужен.

– Откуда ты знаешь, что не нужен?

– Глаза есть – вижу, – отрезала мама. – За Володей девки бегают – пыль столбом, сам знаешь! Марина же сделала так, что он сам за ней хоть на край света пойдёт. А ей-то и радостно: всем утёрла нос – доказала, что она лучше их, раз он её выбрал...

– Да она без всякого хитра, – морщился папа. – И с Володей она как познакомилась? Забыла, что ли? Яих свёл!

Мама подходила к папе и снимала с его майки какую-то одной ей видную соринку, хлопала ладошкой по загорелому плечу:

– Ну-ну, сват какой выискался! Вспомни, что она до этого говорила? Скучные, мол, парни какие-то, и поговорить с ними не о чем, почти сразу лезут куда не надо. Говорила так? Говорила! И всегда подчеркивала: вот военные, те совсем другие – обязательные, дисциплинированные, без дури в голове. Знала, что у тебя в знакомых есть неженатые лейтенантики...

И тут папа почему-то сердился и возмущался:

– Да ведь Володя ко мне зашел за книгой просто так. Я ему этот детектив давно обещал, Ну, и увидел Марину. Дело-то, Лилечка, молодое, сама понимаешь. Может, их стрела Эрота поразила?

Папа говорил иногда как-то непонятно, странно. Это влияние театра. Он занимался в народном драматическом театре, сыграл уже несколько ролей, и больше всего на свете ему нравилось быть на сцене дворянином, или каким-нибудь благородным героем, или даже

белым офицером, которого красные ведут на казнь, а он смотрит в голубое высокое небо и спокойно говорит, что двуглавый орел еще прилетит и спасет Россию. Правда, это он говорил дома, когда репетировал роль, а на сцене вел себя совсем по-другому: падал на колени, бранил царя, плакал и просил его не расстреливать. А Володя – он был то ли комиссаром, то ли командиром партизан, я уже и не помню, кем именно, но красным был точно, – отвечал на все это так: «Молчи, гад, контра ползучая! Народ вынес свой революционный приговор, и я приведу его в исполнение...»

Никакого народа на сцене я не видел. Может, он прятался где-то там, за декорациями? Дядя Володя, он же красный командир, сам принимал все решения, но почему-то делал это от имени народа. Может, и от моего имени тоже, только ведь мне очень даже не хотелось, чтобы папу, пусть даже и понарошку, убивали.

И вот этот дядя Володя пришел к нам за книгой. А Марина как раз собралась пить чай. Обычно она пользовалась нашим закопченным чайником, а тут почему-то вытащила свой электрический самовар. Между прочим, он тогда диковинкой был, и стоил, надо полагать, дорого, и всего-то их пришло в сельпо двадцать штук. Но Марина работала там бухгалтером и, конечно, сумела взять один самовар себе.

Он был небольшой, пузатенький такой, а брать его полагалось за тяжелые, блестящие ручки. Этот толстячок, в отличие от обычного самовара, не пыхтел и не выпускал клубы пара, а тихонечко урчал, когда вода в нем закипала. Кошка Дунька вострила уши и всякий раз опасливо забивалась в угол, откуда и пучила желтые, немигающие глаза.

Володя, как вошёл, сразу Дуньку даже и не заметил. Да и меня тоже, кажется, не увидел. Он во все глаза смотрел на Марину, и мне даже показалось: прямо застыл как статуя. Потом, правда, спохватился:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – Марина легким движением смахнула со лба прядку волос и прямо глянула ему в глаза.

– Владимир, – сказал Володя и зачем-то взял под козырёк. – Зовут меня так.

Марина тоже назвала себя и отвела взгляд в сторону. Папа сказал, что Володя зашёл за одной книжкой и пошёл её искать в комнате. А гость, скрипнув начищенными до зеркального блеска сапогами, присел на корточки и позвал Дуньку:

– Киса, давай знакомиться!

Кошка, однако, даже и не пошевелилась. Она у нас вообще какая-то странная. Захочет есть – выделяет кренделя у твоих ног, ластится, гладится рыжим боком, муркает. Дашь ей еды – она с урчанием проглотит угощение в мгновение ока и сразу к двери: скребётся о порог – просится на улицу. Бывает, выйдешь во двор, Дунька на заборе сидит, ты ей: «Кис-кис!», а она – ноль внимания, будто знать тебя не знает. Да ещё такую презрительную гримасу скорчит!

– Иди, красавица, ко мне, – не терял надежды гость. – Кис-кис!

На Марину он почему-то больше не обращал внимания, хотя мне казалось: ему очень хочется на неё поглядеть, и чтобы она поговорила с ним – тоже хотелось. Я сам всегда так поступал: если мне нравилась какая-нибудь девчонка, то я делал вид, что не больно-то она меня интересует, и потому занимался на её глазах чем угодно, только на неё старался не смотреть. Больше всего я боялся, что она окажется задавакой, и если с ней заговоришь, ещё чего доброго пожмёт худенькими плечами, смерит тебя презрительным взглядом с ног до головы и скажет что-нибудь обидное. Ужас, до чего непонятные эти девчонки бывают!

– Какая, киса, ты красивая, – продолжал гость. – Ну, чего боишься? Иди ко мне...

Марина насмешливо глянула на лейтенанта и прыснула в кулачок:

– Вы с нашей Дунькой пришли знакомиться? Так она у нас девушка серьёзная, недоверчивая. Знает: каждый может мурку обидеть...

– Нет, – растерялся гость. – Я вообще-то по делу пришёл. А тут, гляжу, такая краля сидит! Очень похожа на кошку моей матери.

Он ещё хотел что-то сказать, но тут вернулся отец и развёл руками:

– Володя, эта книга куда-то запропастилась. Наверное, Лиля её на летней кухне оставила. Пойду там поищу...

Дядя Володя хотел идти с ним, но папа отмахнулся:

– Сиди! Марина, может, чаем его напоишь?

– С удовольствием, – откликнулась Марина. – Вы, Володя, как любите чай – с молоком, сахаром, вареньем?

– Я люблю свежую заварку, – ответил Володя. – Мама всегда добавляла в нее мяту, чабрец, другие травы. Но тут, в вашем поселке, это не в обычае...

– Паша, сорви мяты в саду, – попросила Марина. – И чтобы она с цветочками была!

Володя смутился, сказал, что это не обязательно и всякое такое, но я его уже не слышал.

Для меня любая просьба Марины – это что-то выше приказа, закона, – ну, не знаю, как и объяснить, – одно удовольствие, в общем, делать то, что она хочет. И видеть, как она улыбается, потому что ей приятна твоя расторопность, и суетня, и старание, и от всего этого ты, кажется, становился чуть-чуть лучше и значительней.

Чай с мятой оказался вкусным, ароматным, и дядя Володя сказал, что готов пить его каждый день. Он и в самом деле стал часто к нам наведываться, но самовар включали все реже и реже, потому что Марина и дядя Володя уходили или в кино, или на танцы, или просто гуляли. И пока девушка не возвращалась, я лежал в постели, прислушивался к звукам улицы и лаю собак – ждал, когда квартирантка по своему обыкновению тионько откроет дверь – ах, как пронзительно скрипели петли, набросит крючок изнутри и, не включая света, прошмыгнет в свою комнату. Но всякий раз она наступала на хвост бедной Дуньке, которая почему-то не догадывалась, что человек в темноте видит плохо, и, как на грех, укладывалась спать на половике перед Мариной дверью.

Я облегченно вздыхал и тут же проваливался в крепкий мгновенный сон. Я очень боялся, что на Марину набросятся бандиты или, еще хуже, она упадет в яму, которую вырыл неподалеку от нашего дома прораб Иван Морозов. Он со стройки специально бульдозер пригнал.

В яме теперь копилась дождевая вода, и когда наступит засуха – все взрослые ее очень боялись – будет чем поливать огурцы и помидоры. Марина в темноте видела плохо, у нее была куриная слепота, так что запросто могла бы бултыхнуться в эту яму.

При этом дядю Володю я почему-то не брал в расчет, хотя он, скорее всего, провожал Марину до самой калитки. И вообще, дядя Володя, по моему убеждению, дружил с папой, а с Мариной просто ходил в кино – ну, как я, например, с соседской Зойкой, за компанию, и не обязательно же возвращаться вместе, тем более что дядя Володя жил в гарнизоне, до которого пилить и пилить на своих двоих в сторону, противоположную от нашего дома.

И потому я, конечно, удивился, когда в одну из ночей услышал, как Марина прошмыгнула к себе, а потом открыла окно. Комары же налетят!

Что-то шуршало, стучало, звякало в Мариной комнате, и еще мне почудилось: шепчутся два человека. Один голос вроде как женский, а второй – мужской, и у женщины, видно, то ли зубы разболелись, то ли что-то еще, потому что она временами тихо стонала, приглушенно вскрикивала, будто подушкой рот затыкала.

Проснулся папа, прошлепал на кухню, шумно попил воды, зажег спичку и, наверное, закурил. Он был заядлым курильщиком и даже специально вставал ночью, чтобы подышать «Беломором». В Мариной комнате все стихло, и папа прошлепал обратно в спальню и, видно, нечаянно разбудил маму, потому что она громко сказала: «Ты что, сдурел? Давай спи!»

А утром я стал мужчиной. Случилось это внезапно, и только спустя несколько лет я понял, что Марина, по большому счету, – моя первая женщина.

Меня разбудил Бармалей. Он вскочил на забор, как раз напротив моего окна, и так заливисто кукарекнул, что Дунька, спавшая у меня в ногах, зашипела и кинулась наутек. Я открыл глаза. В щель между шторами пробивался столб света, в котором плясала солнечная пыль. Золотые точки вспыхивали, складывались в замысловатые узоры, которые через секунду-другую распадались, чтобы соединиться в новые сверкающие мимолётные рисунки.

Это калейдоскопическое движение завораживало, и мне казалось: это не простая, а волшебная пыль. Может быть, озорной ветерок обдул пыльцу с чудесных цветов в далекой-предалёкой сказочной стране? Сверкающее облачко путешествовало-скиталось по синему небу, делая его ещё ярче, пока внезапно не начался проливной дождик. Тот самый, когда я стоял у калитки, не решаясь её открыть: по ту сторону о землю бились частые алмазные слезинки, а за моей спиной сияло солнце и никакого дождя не было. Это было так удивительно!

Дождинки пахли только что скошенной травой, свежим ветром, далёкими кострами, и ещё – ароматом неведомых стран, головокружительных приключений, загадок и тайн. Может быть, они перемешались с золотистой пылью сказочных цветов. Иначе отчего бы дождик так ослепительно сверкал и пел?

Размышляя над этим вопросом, я перевёл взгляд на потолок. Давно не беленый, он кое-где покрылся трещинами. Меня они тоже интересовали. Соединяя их корявые линии, едва приметные штрихи и пунктиры, я конструировал удивительные картинки: получался то роскошный дворец, то сторожевая башня на горном утёсе, то длиннокрылая птица – скорее всего, альбатрос, но чаще всего у меня выходил пышный букет дивных цветов. Если бы он был настоящим, его не стыдно было бы подарить Марине. Впрочем, нет, я постеснялся бы это сделать. Лучше поставить букет на её подоконник – Марина проснётся и очень удивится, обнаружив у себя такую красоту. Может, целый день станет гадать, от кого такой сюрприз. А я бы ни за что не признался! Мне было бы приятно уже то, что Марине цветы явно понравились.

Вообще, женщины – странные люди: почему им так нравятся цветы? Вон сколько их за околицей! За час, наверное, сто букетов можно сделать, а то и больше. В посёлке у каждого дома – клумбы или палисадники, в которых буйствуют высоченные георгины, мальвы, дельфиниумы, гладиолусы. Пожалуйста, хоть каждый день срывайте их для букетов – не убудет! Но женщинам больше нравилось, когда это делали мужчины. Стоило папе самому составить букетик и принести его маме, как она расцветала в широкой улыбке и – прямо девчонка! – бросалась ему на шею: «Милый, спасибо!»

Папа нечасто являлся домой с букетиками. Обычно он это делал, если задерживался, допустим, с друзьями – они играли в домино, пили пиво и балагурили. Иногда и мне дозволялось при сём присутствовать.

В компании взрослых мужчин порой заводились какие-то странные, не понятные мне разговоры. Например, моего отца ни с того, ни с сего могли спросить:

– Ну что, квартирантку-то уже шевелишь или как?

Мужики, посмеиваясь, пристально глядели на отца и подмигивали друг другу.

– Не! Вы что, мужики? – отец даже в лице менялся. – Да Лилька меня убила бы за это!

– Ну-ну! – грубо хмыкал кто-нибудь из компании. – Ты что, жене обо всём докладываешь?

– Да ну вас, зубоскалы! – отец махал рукой. – Марина не такая...

– Все они не такие, – замечали ему в ответ. – Только строят из себя недотрог, а на самом деле – и Крым, и Рым прошли.

Отец сердился, косился на меня и цыкал:

– Вы бы хоть пацана постеснялись!

Мужики вспоминали о моём присутствии и, смущенно посмеиваясь, переводили разговор на какую-нибудь другую тему. Правда, в последний раз один сказал, что я, мол, не такой уж и маленький, кое-что уже должен соображать – пистон-то, поди, уже знает стойку «смирно!», так чего ж пацана стесняться, дело-то мужское.

Что он имел в виду, я лишь догадывался. Мальчишки рассказывали всякие непотребности о том, что взрослые мужчины и женщины делают друг с другом, и называли это грубым, непристойным словом. Даже в самом его звучании было что-то неприличное и грязное. Мне казалось, что нормальные люди просто не могли этим заниматься.

– Ага, – глумливо сощурился сосед Мишка, которому уже исполнилось пятнадцать лет. – Ты ещё скажи, что офицерик лазит по ночам через окно к вашей квартирантке, чтоб стихи ей почитать!

– Дурак! – я презрительно сплюнул. – Володя уговаривает Марину пойти к ним в театр. Она столько стихов знает! Может без передышки хоть сто штук рассказать...

– Эге! Вот это фокус-покус! – заржал Мишка. – Она стишки читает, а он её в это время шпарит. Артисты, бля!

Я почувствовал, как внутри меня всё стремительно холодеет; горло перехватил спазм, и я даже слова вымолвить не мог, отчего ещё злее становился.

– Малахольный, – продолжал Мишка, сочувственно качая головой. – Ну, ты и малахольный, однако. Мужик без бабы обходиться не может. Этому лейтенанту наплевать на стишки, для него главное: всунуть и кончить. Понял?

И тут я молча развернулся и изо всей силы двинул Мишку кулаком – прямо в его самодовольное лицо. И ещё раз, и ещё!

Мишка всё-таки был старше и сильнее меня. Он не ожидал, что я посмею врезать ему, и потому не сразу перехватил мои руки, а, перехватив, сжал их крепкой хваткой. При этом он шмыгал носом, из которого двумя тонкими струйками сочилась алая кровь.

– Проси пощады! – заорал Мишка. – Иначе убью, падла!

Я и не думал сдаваться. Наоборот, изловчился и ударил Мишку коленом в пах. Он взвыл и повалил меня в грязь. Сцепившись, мы катались в вонючей жиже, измазались в ней с ног до головы, и Мишка уже начал побеждать: он вывернул мне руку – так больно, что у меня перед глазами будто молнии блеснули и всё вокруг на мгновение потемнело, плечо ожгло каленым железом и я, испустив дикий крик, в отчаянии впился зубами в горло недруга. Наверное, прокусил бы его, если бы Мишка, захрипев, как-то враз вдруг не обмяк и не отпустил меня.

Всё то время, что мы дрались, пацаны криками поддерживали Мишку: «Дай ему, дай!» Они его боялись и верили в его несокрушимость. А теперь он, жалкий и скулящий от боли, лежал в грязи. И кто его туда повёрг? Щуплый худышка, на два года младше, рост – метр с кепкой!

Пацаны замолчали и смотрели на меня так, будто им диво дивное явилось. Я не хотел показывать им, что мне тоже больно, и потому, постаравшись не морщиться, небрежно сплюнул и сказал:

– Чтоб я больше о Марине похабщины не слышал!

Это относилось не только к Мишке. Это должны были уяснить все. Пацаны по-прежнему молчали и все, как один, смотрели мне под ноги. Я тоже опустил глаза. Боже! Плевков оказался сгустком крови. Я даже не почувствовал, что у меня разбиты губы.

Дома мне пришлось соврать, что залез на высокий тополь, ветка которого обломилась, и я грохнулся на землю. Мама, кажется, поверила мне, а вот отец, усмехнувшись, прямо спросил:

– Подрался, что ли? Из-за девчонки, наверное?

– Нет, – упрямо стоял я на своём. – Упал. Что я, малахольный, что ли, из-за девок драться? Да нужны они мне!

– Ну-ну, – снова усмехнулся отец. – А я в твоём возрасте из-за них уже дрался. Девчонку каждый оболтус может обидеть. Нравится нам женщина – не нравится, а защищать её нужно.

Он вздохнул, подумал о чём-то и сказал, глядя в пространство над моей головой:

– И вообще, знаешь ли, об обществе можно судить уже по тому, как мужчины относятся к женщинам. Ничего нет стыдного, если ты заступился за девчонку.

Наверное, он думал, что я подрался из-за Зойки Авхачёвой. Пацаны, если видели меня вместе с ней, иногда подтрунивали: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!» Отец это, конечно, слышал. Вот ещё, не стал бы я из-за такого драться. Пусть дразнятся! Зойка – просто нормальная девчонка, и своя в доску: поможет разобраться в трудной задаче, не пожадничаёт поделить тетрадкой или карандашом, даст почитать интересную книжку, и вообще – не болтуня, не сплетница, и сама за себя постоять может. Ни в каких спортивных секциях она не тренировалась (да и не было их тогда), а закалялась, так сказать, с тяпкой в руках на огороде: с ранней весны до поздней осени пропалывала и окучивала картошку, рыхлила землю под капустой, помидорами и прочими овощами, для полива таскала из колодца воду в вёдрах. Тут уж хочешь-не хочешь, а крепость в руках появится.

Зойка не была изнеженной девочкой, её обветренное, смуглое от загара лицо, к тому же в коричневых конопушках, никак не назовёшь привлекательным. Зойкины руки, в ссадинах, ободранные на локтях и намазанные зелёной, ничем не отличались от моих, ну, может, были чуть особеннее: покатые плечи, изящные кисти, длинные пальцы – девчоночьи всё-таки руки. А вот у Марины они были как у артистки: гладкие, белые, ногти покрыты перламутровым лаком, и никаких заусениц и цыпок. По тогдашней моде, она надевала на них тонкие ажурные перчатки. Белые-белые, просто ослепительные! И брала с собой на прогулку японский складной зонтик – тогда эта вещичка была жутким дефицитом.

Марина небрежно поигрывала зонтиком, висящим на запястье на ярком шнурке, – и встречные обязательно оглядывались ей вслед: кто с восхищением, кто с осуждением. Она, наверное, догадывалась, что находится под обстрелом чужих взглядов, и потому всегда высоко держала голову, спина – прямая, походка – лёгкая, «Профурсетка», – шипели ей вслед некоторые женщины. Что обозначало это слово, я тогда не знал, но догадывался: что-то не очень хорошее. Поселковые кумушки от зависти, конечно, называли так нашу квартиру.

Марина выглядела гордячкой и неприступной барышней только перед чужими. Дома она была совсем другая. Она тоже обратила внимание на мои синяки и ссадины, даже подсказала, что в аптеке можно купить бодягу – она, мол, помогает избавиться от кровоподтёков. Но ни за какой бодягой я, конечно, не пошёл. Чего позориться-то? Старшие пацаны говорили, что это лучшее средство от «засосов». Позор какой – целоваться с девчонками, ещё чего не хватало, чтобы в аптеке подумали, что я уже миндальничаю с этими задаваками!

Каждое утро, просыпаясь, я брал с тумбочки маленькое зеркальце и рассматривал начинающие желтеть синяки под глазами, а также губы, особенно нижнюю – она пострадала больше, чем верхняя. На этот раз, однако, ритуал не повторился. Где-то далеко-далеко, на самом краю земли, куковала кукушка, щебетали ласточки, и радостно вскрикивал скворец. Он, разбойник, наверное, опять клевал красные ягодки вишен, в которых просвечивались темные косточки. Я отложил зеркальце и подошел к окну, чтобы пугнуть скворца. Хотел раздвинуть шторы пошире, но тут увидел ее, Марину.

Она стояла у клумбы, на которой уже расцвели желтые ноготки. Ветерок чуть покачивал елочки космеи, играл глянцевитыми листьями высоких георгинов и озорничал с Мариным платьем: то раздувал его парашютным куполом, то словно обклеивал тканью все

тело, то шутиливо дергал подол. Марина бросила удерживать платье, засмеялась, подставила лицо солнечным лучам и закружилась – па-ра-там-па-па, совсем как девчонка.

Я посмотрел на ее ноги – загорелые, почти шоколадного цвета, они напомнили мне картинку из альбома об искусстве Древней Греции: скульптура красивой женщины без всяких одежд, и, главное, руки по локоть отколоты – Венера, богиня любви. Я рассматривал эту иллюстрацию с жадным, странным любопытством, потому что это было совсем другое, немужское тело – плавные линии, округлость форм, изящность и какая-то непостижимая тайна, которая и пугала, и притягивала, и заставляла биться сердце.

Соседские пацаны, я знал, по той же самой причине ходили к баньке тети Тани Авхачевой. По пятницам она там парилась со своими дочерьми. И в темное, мутное оконце, если прижаться к нему лицом, можно было разглядеть женщин. Но мне это почему-то казалось стыдным, недостойным занятием, и вообще что может быть интересного в крупной, задастой тете Тане и ее худых, как доски, дочках? И потом, я что, ни разу не видел ту же Зойку, что ли?

А Марина была красивая. Она перестала кружиться, раскинула руки и стояла теперь уже неподвижно: солнце золотило ее волосы, они – о чудо! – светились мягким ореолом, и весь ее силуэт тоже как будто светился, и хотелось прикоснуться к ее коже, провести по ней ладонью и губами поймать хоть одну маленькую крупинку золота. Это было колдовство, наваждение, сказка!

С цветков и листьев Марина стряхивала росу в ладони и растирала ею руки, плечи, грудь. Она это делала с удовольствием и радостью, будто умывалась по крайней мере живой водой, а не обжигающе-холодной влагой.

Она была совсем другая, не такая, как я, и не такая, как отец, дядя Володя или другие мужчины, – в ней было что-то такое, чего, должно быть, не доставало мне. Может быть, я был минусом, а она плюсом – вот и возникало странное, волнующее притяжение, отчего томительно кружило голову.

Наверное, я слишком пристально глядел на нее, и она почувствовала мой взгляд. Марина повернулась так быстро, что я не успел спрятаться за шторы.

А, Пашка! – обрадовалась она. – Доброе утро! А почему ты такой бледный?

Не знаю, – простодушно сказал я, потому что растерялся, да и с чего это я был бледным? Может, я всегда такой...

А я вот росой умываюсь, чтобы быть молодой...

А вы и так молодая, – сказал я, и вдруг, сам не знаю почему, выпалил: – И красивая!

– Правда? – совсем тихо сказала Марина. – А ты, когда вырастешь, может, женихом мне будешь, а?

Я молчал, пораженный ее словами в самое сердце. Потому что до этого и сам себе не признавался, что жуткой завистью завидовал дяде Володе, который мог запросто пойти с такой красивой девушкой на танцы, в кино или клуб, и остальные парни ему, наверное, завидовали, ведь Марина на них и не глядела: ей нравились военные. И я представлял себя высоким ладным лейтенантом, и чтобы сапоги были начищены до зеркального блеска, и мундир сидел бы на мне без единой морщинки, и чтобы я умел танцевать вальс. Этому, впрочем, меня Зойка научила – она умеет, в школьный кружок бальных танцев ходит, и я бы туда записался, но там одни девчонки, и такие задаваки, что совсем не хотелось их лишний раз видеть.

Ну, возьмешь меня замуж?

Да, – сказал я. И почему-то испугался, и тут же отпрянул от окна вглубь комнаты.

– Смотри же, помни свое обещание, – сказала Марина и засмеялась: – А спорим, не вспомнишь? Мужчины много чего обещают, но не всегда выполняют...

Бармалей возмущенно вскрикнул и громко закокотал, что он всегда делал, когда замечал ястреба или любую другую крупную птицу. Наседка тоже всполошилась, закудаhtала и кинулась с цыплятами под куст смородины. Всю эту куриную суетню я видел в дырочку в шторе, а вот Марины в поле моего зрения не было. Меня утешила Дунька, которая ласкалась о ноги и мурлыкала – пушистая, уютная, не помнившая стольких обид, которые я причинял ей из-за ее вороватости: чуть зазеваешься – обязательно вскочит на стол и что-нибудь стащит. Даже если не голодная. Ишь, добытчица какая!

А вечером пришел дядя Володя и сказал:

– Паша, ты любишь костры?

Конечно, я любил смотреть на огонь, и дым, сладко-терпкий от травы, которую бросаешь в костер, я тоже любил, а еще – картошку, запеченную в золе под головешками, переливающимися как бордовый бархат на сцене сельского клуба.

– И я, Паша, люблю смотреть на огонь. Давай разведем костер! – сказал дядя Володя. – Далеко не пойдем, вот тут, на полянке

перед домом, и разведем...

Он вынул из кармана кулек с «Пилотом». Почему-то всегда приносил только эти конфеты, и ни разу – леденцы, которые я уважал больше других сладостей. Зато Марина очень любила шоколадные конфеты.

Потом мы сидели у костра, слушали дяди Володиные анекдоты, смеялись, пекли картошку и, обжигаясь ею, облупливали коричневую в черных подпалинах кожуру – она легко сжималась под пальцами, собиралась гармошкой и снималась, как оболочка с дорогой копченой колбасы. Вокруг нас густела темнота, и красные искорки, будто большие светляки, кружили над костром.

– Мадмуазель, вы нормально вчера до дома добрались? – небрежно и как бы невзначай спросил дядя Володя Марину. – Хотел тебя проводить, но пока ходил в буфет за папиросами, гляжу: твой след уже давно простыл...

– Видишь: живая! – рассмеялась Марина. – Что со мной сделается?

Обычно она смеялась тихо, будто стеснялась, а тут – громко, по русалочьи заливисто.

Еще и роль немножко поучила, – продолжала она. – Помнишь, Сидор говорит: «Только Платона назвали, и вы как маков цвет

вспыхнули». А Луша отвечает: «Зачем выдумывать? Маков цвет. Я замужняя. Что мне во Платоне вашем. Нашли невидаль.»

А заглядывалась, – сказал Володя.

Мало ли что заглядывалась. У какой девки сердце не зазнобчиво? – лукаво, не своим голосом откликнулась Марина.

– Пастернака сейчас ругают в газетах, – сказал Володя. – Наверное, нам не разрешат показывать «Слепую красавицу». Зря

время теряем! Это твоя первая роль, и вот – напрасно. Жалко, что я тебя раньше в наш театр не привел...

А что такого запретного в этой пьесе? – удивилась Марина. – Очень жизненная пьеса, должна зрителю понравиться...

Да как понравится, если Пастернак там, наверху, многим не нравится. К тому же пьеса, говорят, и не печаталась нигде. Спросят,

где взяли, а что режиссер ответит?

Идут Марина улыbnулась совсем как Одри Хэпберн. Это была такая улыбка, что вы и представить себе не можете, если никогда не видели фильм «Римские каникулы». Мы с папой ходили на него целых три раза. Ему очень нравилась Одри с огромными печальными глазами, трогательно торчащими ключицами и легкой, совершенно обезоруживающей улыбкой. Она была нежной и беззащитной, прекрасной как принцесса из туманного, полузабы-

того сна. И Марина тоже умела улыбаться так же трогательно. Но Володя почему-то совсем не обратил на это внимания, и они завели долгий, малопонятный мне разговор о каком-то поэте, его опале и таланте, нищете и трагедии, и о том, что когда-нибудь, лет через сто, а может, раньше, искусство станет свободнее.

Я слушал их и не понимал, о чем это они беседуют: какая такая им свобода нужна, чтобы читать стихи, танцевать или играть на сцене? Ну и представляйтесь, сколько хотите, лишь бы другим не мешали!

Полуночничаете? – вдруг возник из темноты чей-то голос. Мы, как по команде, повернули в его сторону головы.

Неясный силуэт мужчины почти сливался с покрывалом ночи, но вот он сделал шаг, другой и в отблесках затухающего костра проявилась серая маска лица, и чем ближе человек подходил к нам, тем оно четче становилось. Да это же Иван, наш сосед! И чего он так поздно бродит? Наверное, скучно ему без Поли, его жены: уехала на месяц в

Брянск, в отпуск, а мужа оставила на хозяйстве – кормить собаку, кур, приглядывать за садом-огородом.

Можно к вам подсесть? – спросил Иван.

Мы уже насиделись, по домам собрались идти, – резко и зло сказал дядя Володя. – Нас бессонница не мучает. А ты опять с танцев идешь?

Вышел во двор, гляжу: огонь горит, вот и подошел, – ответил Иван. – Люблю костры! Марина молчала и шуршала обертками от «Пилота».

А чего это ты на танцы не пошел? – сердито буркнул дядя Володя. – Может, боишься, что заложат тебя Полине?

Никого я не боюсь. И ничего не боюсь, – отдельно, почти по слогам сказал Иван. Он был, кажется, немножечко выпивши. И

насчет того, что просто так вышел во двор, наверное, врал. Мама как-то говорила отцу, что сосед по ночам шастает на амур, и я,

честно сказать, не понял, что это такое, но слово – амур! – запомнил и, желая показаться умным мальчиком, невинно спросил:

– Дядь Вань, вы не амур ищете?

Володя хмыкнул, а Марина рассердилась:

– Паша, ты хоть соображай, что говоришь! Чушь несешь. Неприлично разговаривать со взрослыми так...

Она встала и, ни с кем не попрощавшись, шагнула в темноту. Хлопнула калитка, радостно взлаял и затих наш Шарик, зажегся свет на веранде.

У тебя с ней что? – спросил Ивана дядя Володя. – Говорят про вас всякое...

А ты уши пошире развешивай, – посоветовал Иван. – Да помни: говорят, в Москве кур доят...

И другое говорят: дыма без огня не бывает, – сухо сказал дядя Володя и, потрепав меня по плечу, посоветовал: – Шел бы ты, Паша, спать...

Что было потом, я не знаю, потому что только лег, так сразу и провалился в теплый сон – он охватил меня жаром июльского полдня и медленно вознес к белоснежным облакам, и я плыл в мягких, ласковых потоках воздуха, и все вокруг сверкало и пело, и кружился волшебный калейдоскоп звезд, и Земля была такая маленькая, что этот голубой мячик можно было взять в руки...

Дядя Володя в ту ночь повздорил с Иваном, и они, видно, крепко подрались: и тот, и другой несколько дней ходили в темных очках. А папа почему-то совсем перестал бриться и, когда прижимался ко мне лицом, его щетина колола кожу.

Петухи, – сказал папа. – Глупые петухи! Еще не понимают, что не мужчина выбирает женщину – это она выбирает, только вид

делает, будто получилось так, как захотел он...

О чем это ты, папа?

Потом поймешь...

А мама долго тебя выбирала?

Не очень, – улыбнулся папа, и лицо его посветлело. – Мы сразу друг друга выбрали...

И я почему-то представил себе наш клуб, в котором расстелили привезенные из райкома ковровые дорожки и установили большую красную тумбу с гербом страны, которой уже нет. Возле нее неподвижно, как статуи, застыли мальчик и девочка – нарядные, в красных галстуках, и каждому, кто подходил к тумбе, они отдавали пионерский салют. В стороне стояла кабинка, занавешенная желтой шторой. Туда никто не заходил: голосующие брали белые листочки у комиссии и, даже не читая их, быстрее опускали в прорезь тумбы и бежали занимать очередь в буфет. У входа в него топтался мужчина с красной повязкой. Он зорко следил, чтобы в буфет попадали только те, кто уже «выбрал». Может, взрослые выбирают так не только депутатов?

А Марина, наверное, выбрала меня. Потому что теперь, отправляясь в магазин за покупками или на репетиции драмкружка, или просто погулять, всегда говорила: «Айда со мной, Пашка!» И покупала мороженое, его тогда делали с изюмом, ванилином или клубничным вареньем – вкуснятина! И всякий раз Марина просила меня: «Ну, женишок, тайну хранить умеешь? Вон телефон-автомат, набери вот этот номер и попроси Ивана Алексеевича, ладно? А когда он ответит, дашь трубку мне...»

Голос мужчины казался мне подозрительно знакомым, но я почему-то не решался спросить у Марины, кто это. Тут была какая-то тайна, потому что Марина легким, но настойчивым движением руки выталкивала меня из будки и, маясь по ту сторону стеклянной двери, я только видел то смеющееся, то напряженное, то лукаво-капризное выражение ее лица...

Тайну я умел хранить и никому, даже маме, не рассказывал о телефонных играх. И ни словом не обмолвился о том, как однажды невольно подслушал её разговор с Мариной.

В тот день отец уехал в город: заболела наша бабушка, которая жила одна, и за ней нужно было ухаживать. Вот отец и взял три дня в счёт отпуска. Без него в доме сразу как-то скучно стало. Даже Дунька пригорюнилась: весь день пролежала на подоконнике, будто поджидала папу. А мама вечером достала из шкафчика бутылку красного вина и сказала Марине:

– Ну, что? Устроим девичник? – и рассмеялась. – Что-то так захотелось хорошего вина, – она повертела бутылку и прочитала этикетку: «Алазанская долина. Полусладкое натуральное виноградное вино». На работе к какому-то празднику давали, уже года полтора стоит. Крепости, наверное, добавилось?

– В вине главное не крепость, – заметила Марина. – В вине главное – вкус и букет. Так меня один человек учил. Грузин, между прочим, – её губы тронула лёгкая улыбка. – А уж грузины-то понимают толк в винах, поверьте мне, Лилия.

Она называла маму по имени, но всегда на «вы». И это тоже было необычно. Разница в возрасте, как мне тогда казалось, у них была не очень большая – ну, может, лет десять. В таких случаях поселковые женщины обычно обходились без церемоний, да и вообще – какой-нибудь соседской бабуське тоже позволялось «тыкать»: «Ты, баба Феня... ты, тётя Настя...»

– Никак ты ко мне не привыкнешь, – сказала мама. – Всё «вы» да «вы». Как чужой.

– Воспитание у меня такое, – смутилась Марина. – Дурацкое, наверное. Семья интеллигентная, родители даже друг к другу на «вы» обращались. И нас с сестрой Леной воспитали уважительно относиться к другим людям.

Они продолжали диалог, не обращая на меня внимания. Мама чистила овощи для салата, Марина жарила котлеты. Она посыпала их какой-то приправой, и по кухне поплыл острый, весёлый и пряный аромат. Пахло так вкусно, что я решил напомнить о себе:

– А ужинать скоро будем?

– Ой, у Пашки уже слюньки текут! – хохотнула мама. – Хорошая у тебя приправа, Марина. Как, говоришь, называется?

– Базилик. Мама в посылке прислала.

– А, интересно, этот базилик а нашем огороде вырастет, если его семена раздобыть и посадить?

– Я вообще удивляюсь, почему в посёлке редко кто выращивает даже петрушку, – отозвалась Марина. – Не в обычае у вас, видно, зелень употреблять?

– Да, как-то не привыкли, разве что укроп растёт: его и садить не надо – сам осенью насыплет семян на грядки, они и взойдут весной, – согласилась мама. – Ну, хрен ещё в почёте, без него не обходимся. Так тоже специально никто его не выращивает. Сам растёт, где захочет! У нас главное – картошка, капуста, свёкла, огурцы, помидоры. Это существенная еда, а всё остальное – баловство, – она кивнула мне. – Сейчас, Паша, мы тебя покормим. А сами – потом, посидим, поговорим с тётей Мариной.

– Если базилик растёт на дачах под Владивостоком, то почему бы и в Хабаровске ему не прижиться? – продолжала Марина. – Мне нравится эта трава – яркий аромат, к мясу самое то! Хотите, Лиля, попрошу семян у своей сестры?

– Ага, – кивнула мама. – Хочу. Буду готовить, как городская, – она коротко хохотнула и, дурачась, провозгласила: Да здравствует котлета – произведение кулинарного искусства!

Марина засмеялась. Её котлеты оказались необыкновенно вкусными. Я слопал целых две, и ещё бы попросил, но, как говорится, больше пуза не съешь.

Женщины отправили меня спать, а сами постелили нарядную скатерть и принялись накрывать стол. Засыпая, я слышал их веселые голоса, позвякивания вилок и бокалов.

Проснулся я оттого, что захотел в туалет. Взял фонарик и, оступаясь спросонья с деревянного настила-дорожки в мокрую траву, побрел в дощатый туалет. Там в углу сплёл паутину большой чёрный паук. Я его побаивался: пацаны говорили, что у пауков ядовитая слюна, и если они укусят, то помрешь в страшных мучениях.

Несколько раз я сбивал паутину, но паук снова и снова старательно восстанавливал её. Нападать на меня, чтобы отправить на тот свет, он явно не хотел, и я постепенно свылся с его присутствием в туалете. Но всё равно побаивался.

На этот раз, однако, я даже не обратил на паутину никакого внимания. Меня занимала совсем другая картина. Фонарик я положил на бок рядом с собой. На его светящуюся линзу тут же села маленькая ночная бабочка. Она была серой, невзрачной, с большим толстым животиком. Но каким фантастичным получилось её отражение в круге света на стене!

Луч фонарика, как рентгеновский аппарат, высветил и увеличил через линзу крылья бабочки, сочленения её лапок, темное туловище, в котором что-то трепетало – наверное, сердце. Каждая точка и чёрточка крылышек, отраженные на стене, были расплывчатыми, как будто акварелью капнули на мокрую бумагу. От этого рисунок приобретал фантастический вид: бабочка двигала крылышками – и размытые очертания менялись, перетекали друг в друга, волновались, будто подводные заросли неведомых растений. Её усики свивались и снова распрямлялись – на стене они превращались в двух змеек.

Обыкновенный мотылёк оказался большим странным существом. Ну, кто бы мог подумать, глядя на эту серую козявку, что она способна превратиться в нечто загадочное? Если бы не линза фонаря, то я бы тоже никогда ничего подобного не увидел. Значит, мы не всегда видим то, что видим, так, как оно есть на самом деле? Привычное потому и привычное, что не пытаешься взглянуть на него как-то по-другому.

Потревоженный паук зашевелился в своей паутине, а, может, его заинтересовала бабочка на фонарике. С паутины на меня упало несколько холодных капель росы. Я поёжился, схватил фонарик и выскочил из туалета.

Мама и Марина всё ещё сидели на кухне. Кажется, они даже не обратили внимания на то, что я выходил на улицу.

– Сама не пойму, почему у всех мужчин, которые меня любят, жизнь не складывается, – говорила Марина. – Мне это и цыганка нагадала. Только я тогда не поняла смысла гадания. Представляете, Лиля, она раскинула карты, глянула в них, потом – на меня, жутко так глянула, смешала все карты и сказала: «Ничего я тебе не скажу. Не надо тебе будущее знать. Одно только скажу: останешься с тем, кого сама полюбишь. А будет ли он тебя любить – о том не скажу, сама узнаешь...»

– Странно, – сказала мама. – Если у мужчины сердце к женщине не лежит, то какая может быть любовь?

– Всё может быть, – ответила Марина. – Например, расчет. Говорят, что некоторые женятся на красивых женщинах лишь только потому, что это престижно.

– Глупости, – отмахнулась мама. – Это где-нибудь в Америках без любви обходятся, а у нас – совсем другое дело: брак по расчету – пережиток, никто не заставит женщину выйти замуж насильно.

– А если она сама любит того, который её не любит? – спросила Марина. – Но, допустим, он как честный человек обязан на ней жениться...

– Это, в смысле, она от него забеременела? – уточнила мама.

– Ой, Лиля! – рассмеялась Марина. – Мы такие пьяные, целую бутылку вина выпили, и оттого всякие глупости сейчас говорим...

– И ничего не глупости, – не согласилась мама. – Если хочешь знать, то пока я Пашку под сердцем носить не стала, мой-то и не думал предлагать руку. А как узнал, то, знаешь, особой радости я не почувствовала: он, оказывается, собирался ещё в институт поступать учиться, мало ему техникума, видишь ли. Но всё же не сказал, что ребёнок помехой будет – мы расписались, муж за двоих работал, старался, заочно в институт поступил. Тяжеловато, конечно, ему пришлось: с утра до ночи вкалывает, потом – помогает Пашкины пелёнки-распашонки горячим утюгом гладить, чтоб никаких микробов на них не осталось, за полночь над учебниками сидит, зубрит всякую премудрость. Я тоже ему помогала: набело переписывала его рефераты и контрольные работы. Ничего, всё осилили. Муж теперь у меня учёный. Не то, что я. Но я из-за Пашки учиться дальше не пошла.

– Лиля, все говорят, что вы – хорошая медсестра, – заметила Марина. – Может, это и есть ваше призвание.

– А я хотела врачом стать, – вздохнула мама. – Но получилось так, как получилось. После медучилища приехала сюда по распределению, думала: год-другой отработаю, а там в мединститут документы подам. А тут на мою бедную головушку свалилась любовь в виде молодого специалиста, – мама засмеялась, – Ну, ты понимаешь, Марина, что в таких случаях бывает: закружилась головушка-то, я сама не своя, только стоит о Василии подумать – сердце птичкой в груди бьётся, он для меня – всё на этом свете, и лучше его никого нет. До сих пор, Марина.

– Счастливая вы, Лиля, – сказала Марина. – У вас с Василием полная взаимность. А вот я саму себя никак не пойму. Сначала мне кажется, что люблю человека, а потом оказывается, что это и не любовь вовсе, а только кажется. Мираж какой-то. Выдумка. Потребность в чувствах, но не сами чувства.

– Как-то ты мудрёно говоришь, – голос у мамы стал напряжённым; он у неё бывает таким, когда она чего-то не понимает или думает, что её разыгрывают. – Что значит – потребность в чувствах?

– А давайте ещё выпьем, – предложила Марина. – Что-то мы с вами даже и половину бутылки ещё не осилили. Выпьем – и я что-то расскажу.

Я слышал, как горлышко бутылки звякнуло о бокал, полилась струйка вина, потом тихонько звякнул другой бокал. Женщины молчали. Мне казалось, что они хотя бы тост какой-нибудь скажут – так, вроде бы, полагается у взрослых, но молчание у них затянулось. Однако Марина, в конце концов, произнесла:

– Ну, Лиля, каждый – за своё! Прозит!

Что значит это «прозит», я тоже не знал. Но решил, что слово обозначает, видимо, что-то типа «ну, будем!» – так обычно мужики говорили, когда выпивали за игрой в домино.

– Ага, – отозвалась мама. – Будем!

Они выпили, помолчали. Наверное, закусывали: застучали вилки о тарелки, что-то мягко упало на пол – скорее всего, кусочек хлеба. Мама засмеялась:

– Ну, всегда так: не повалёшь – не съешь.

Марина молчала. Наверное, она улыбнулась маме в ответ. Она, если не знала, что сказать, всегда улыбалась – как-то беспомощно, стесняясь.

– Готова? – спросила мама. – Ты мне хотела что-то рассказать.

– Потребность в чувствах есть у каждого, – ответила Марина. – Только не каждый способен отличить их от самого чувства. Вот вам, Лиля, не кажется ли, что нам с детства внушают, что без любви прожить нельзя? Это, мол, то, что движет солнце и светила – так сказал какой-то великий поэт, кажется, Данте...

– Он самый, – подтвердила мама. – Василий мне декламировал его стихи. Хорошие! Мне нравятся.

– Девчонкой я только и слышала о том, что самое лучшее, что есть на свете, – любовь, – продолжала Марина. – Родители мне всякие книжки подсовывали: «Алые паруса», например, или «Первую любовь» Тургенева, заставляли «Пер-Гюнта» слушать, восхищались Пенелопой из «Одиссеи»: вот, мол, какая у неё сильная любовь была – дождалась своего любимого мужа, не согласилась выходить замуж, верность ему соблюла..

– А что ж в том плохого?

– Да, может, и нет ничего плохого, – Марина рассмеялась по-русалочьи заливисто. – Только, знаете, Лиля, я вдруг представила: Пер-Гюнт прошёл огонь, воды и медные трубы, женщин у него было не сосчитать, а дома его ждала дурочка, которая за это время составила, – и что же? Вот счастье-то, принять мужчину, который свои лучшие годы провёл не с ней. А тот же Одиссей? Можно подумать, что он хранил верность бедной Пенелопе, которая без него взвалила на плечи все тяготы и беды. Она, конечно, дождалась его. Ну, сами, Лиля, подумайте: Пенелопа за это время из красавицы тоже превратилась в стареющую женщину. Лучшие годы позади, у неё, скорее всего, уже климакс, извините – какая тут любовь?

– Любви все возрасты покорны, – сказала мама. – Мужчины так уж устроены, что не всегда приходят к своей женщине сразу. Они не любят прямые дороги, вечно их заносит на обходные тропинки...

– Да вы философ, Лиля, – усмехнулась Марина. – Вот и я подумала почти о том же самом. Но у меня возник совсем простенький вопрос: почему мужчинам разрешается многое, а женщинам – нет? Несправедливость какая-то. И почему я должна радоваться, что какой-то прыщавый юнец соизволил обратить на меня своё благосклонное внимание? Может, я дурочкой была, но, знаете, когда одноклассник – его звали Миша – начал мне писать всякие записочки, я его высмеяла. Взяла и прочитала всему классу на перемене его стихи, посвященные мне: «О, юная богиня, ты лучше всех на свете – это понимают даже дети...» Ну, и всё в том же духе. Нескладушки такие. Может, и от души он писал, но – банально. А мне казалось, что в любви никакой банальности не бывает. Она уникальна и неповторима.

– Зачем же ты так его опозорила? – спросила мама. – Он ведь тебе открылся, и он не предполагал, что ты высмеешь его таким образом. Лучше было бы сказать ему, что он тебе не нравится, вот и всё.

– А я говорила, и не раз, – Марина вздохнула. – Мишка ничего не захотел понимать. Знаете, что он мне заявил? «Всё равно ты будешь моей!» Вот что он мне сказал. Ах, так?! Он меня рассердил: что, я вещь какая-нибудь, чтобы быть чьей-то? Но Мишка был, что называется, первым парнем: девчонки просто с ума по нему сходили – он и спортсмен, и отличник, и ростом выше всех других пацанов, и усы у него уже в восьмом классе пробились, и, как говорили, к десятому классу он перепортил нескольких своих воздыхательниц, представляете?

– Ой, не знаю! – голос у мамы был испуганный. – Я бы без оглядки от такого парня убежала! Что ты, у нас был в классе один такой хулиган, из плохой семьи. Приличные девчонки старались с ним вообще не говорить.

– А Миша – из приличной семьи, – засмеялась Марина. – Просто у него ранняя гиперсексуальность была...

– Что? – не поняла мама.

– Ах, да! Вы же, наверное, Нойберта не читали, – сказала Марина. – В Советском Союзе это пока единственная официально изданная книга об интимных отношениях мужчины и женщины. Но, говорят, её в библиотеках всё равно нет. А я нашла её у папы в кабинете и, конечно, прочитала. Мне стало ясно, что некоторые мальчики слишком рано созревают в физиологическом плане – им нужна женщина, для разрядки, только и всего. Но им кажется, что это любовь. Так что я прекрасно понимала, почему Мишка на меня внимание обратил.

– Может, это всё-таки любовь была? Не всё же у мужчин только в физиологию упирается.

– Может, – согласилась Марина. – Скорее всего, у него были чувства. Знаете, он так смотрел на меня, – она выделила слово «так». – Мне даже жутко становилось: его глаза странно светлели, и, казалось, никого, кроме меня не видели. Ясные, светлые глаза, а зрачки – чёрные, и в глубине их полыхает огонь. Нет, даже не огонь, а как бы это объяснить? – Марина помолчала и, волнуясь, продолжила. – Это как отблески далёкого костра. Будто внутри него горело пламя, отражаясь в зрачках.

– Любил он тебя, – категорично сказала мама. – Такой взгляд о многом говорит...

Я услышал, как со стола упал бокал: он глухо ударился о пол и, видимо, подскочил, потому что снова послышался удар – и тут же зазвенели осколки стекла, весело рассыпаясь по половицам.

– Ох! – воскликнула Марина. – Боже мой!

– Ничего, – успокаивала её мама. – Посуда бьётся – жди удач. Не расстраивайся! У нас это не последние фуеры. Подумаешь, разбился. Ну и чёрт с ним.

– Это Мишка о себе напомнил, – вдруг сказала Марина, и голос её был напряжённым, каким-то чужим и непривычным. – Иногда мне кажется, что он где-то рядом, не хочет отпустить меня.

– А вообще, где он сейчас по жизни? – спросила мама.

– Его больше нет, – Марина говорила медленно, будто каждое слово давалось ей с трудом. – Во всём я виновата. Лиля, не смотрите на меня так. Я не с ума сошла. Да, я виновата. Он из-за меня погиб.

– Да как же так?

– Глупо всё получилось, – у Марины, наверное, перехватило горло: голос звучал тихо, с натугой. – Одноклассница пригласила меня на день рождения, там и Миша был. Веселились, пели песни, забавлялись всякими играми, танцевали под проигрыватель. Поставили, как сейчас помню, пластинку «Тихо солнце с морем прощалось...» Миша ко мне подошел:

«Приглашаю!» А я: «Не танцую!» Тут другой парень ко мне подскочил, и – последняя дура! – изобразила на лице эдакую холодную усмешку, обняла партнёра за шею и... В общем, показала, что умею танцевать страстное танго. Когда музыка отзвучала, Мишка снова поставил ту же самую пластинку и, бледный, решительно опять подошёл: «Теперь со мной потанцуешь?» Я – ни в какую не соглашаюсь. Тогда, знаете, что он сделал? Забрался на подоконник, свесил ноги и говорит: «Не веришь, что люблю? Хочешь – докажу?» Я рассмеялась: «Что? С девятого этажа спрыгнешь, что ли? Прыгай! Мне всё равно». А он посмотрел на меня – это словами не передать: с отчаянием, ненавистью, обожанием, и сказал: «Измучила ты меня. Если я тебе не нужен, то и я сам себе не нужен. Танцуй дальше!» И прыгнул...

Я слышал, как мама громко ахнула. Марина замолчала.

– Разбился? – прервала молчание мама.

– Да, – ответила Марина. – Врачи оказались бессильны.

– А ты? – голос мамы снова был испуганным. – Ты-то как это пережила?

– А мне врачи сумели помочь, – Марина вдруг захохотала – громко, отчаянно. – Справиться с депрессией юной особы для них – раз плюнуть. Нет, вру! Помучались они со мной. Знаете, Лиля, мне всё вдруг стало как-то безразлично. Такое ощущение: сижу в аквариуме, своём собственном маленьком аквариуме, эдакая золотая рыбка, смотрю из-за стекла на мир и людей, которые проплывают мимо меня, – меня не касаются ни звуки, ни запахи, ни ветер, ни дождь: я – тут, они – там, и ничто меня не интересует, и никто не нужен. К тому же, друзья от меня отвернулись, они до сих пор считают, что я виновата в гибели Михаила. В школу я сама больше не пошла. Родители подумали-подумали, снялись с насиженного места, и мы переехали в городок под Владивостоком – Артём называется.

– Бедная ты, бедная, – пожалела мама. – Такое испытание!

– Лиля, меня не стоит жалеть, – сказала Марина, и голос её был жёстким, злым. – Я действительно виновата. Но не хочу оправдываться. Мне всё чаще кажется: во мне есть кто-то ещё, какая-то непостижимая сила, которая двигает мной, и противиться ей невозможно. Я сама себе не могу объяснить, почему не могу до конца полюбить тех, кто любит меня. Наваждение какое-то...

– И Володю тоже не любишь? – осторожно спросила мама.

– Он милый, хороший, добрый, – Марина говорила так, будто заклинание произносила. – Славный, замечательный, умный. Наверное, мне с ним было бы хорошо, очень хорошо, лучше не бывает. Но я боюсь, Лиля!

– Господи, да что с тобой? – встревожилась мама. – Ты вся дрожишь! Может, вальерьянки накапать? Побледнела вся...

– Не обращайтесь внимания, – резко ответила Марина. – Права цыганка: я не смогу полюбить того, кто любит меня. У меня карма такая: мучаться от нелюбви любимого человека. Расплата за Михаила. За то, что убила свою любовь.

– Не выдумывай, – мама хлопнула по столу ладонью. – Не смей так думать! Просто ты несмышлёная тогда была, не знала, как поступить.

– Знала, – совсем тихо сказала Марина. – Но боялась. Мне казалось, что чувства Миши быстро пройдут, как только он добьётся своего. В моих цыплячьих мозгах одна мыслишка только и была: не уступать, иначе – пропала! И куда я потом денусь, если ещё и забеременею?

– Девочка моя, – жалостливо протянула мама. – Господи, о чём же ты, бедняжка, думала! Если он тебя по-настоящему любил, то разве бы допустил до позора? Знаешь, любовь – это когда не думаешь о последствиях, любовь – это сегодня и сейчас, а там – будь, что будет!

– Неужели вы действительно так думаете, Лиля? – удивлённо спросила Марина. – Как-то даже странно. Вроде, возраст у вас не романтический уже...

– У любви не бывает оглядки, – упрямо продолжала мама. – Я это точно знаю!

– А я точно знаю другое: у мужчин из-за меня вся жизнь идёт наперекосяк: один вообще погиб, другой стал калекой, третий куда-то сгинул: может, уехал в дальние края, а может, его теперь тоже нет, – Марина говорила быстро, захлёбываясь словами. – Лишь один жив-здоров, тот самый грузин Тенгиз, который меня научил разбираться в винах и зелени, и вообще много в чём ещё научил разбираться. Я поняла, что должна не столько пылать страстью, сколько знать – когда и как этого лучше не делать. Чувствами, Лиля, нужно управлять. Для этого, правда, иногда слишком многим жертвуешь, но зато получаешь удовольствие.

– Что-то я тебя не совсем понимаю, – недоумённо сказала мама. – Ты что, лишь играешь в любовь, так?

– Не совсем так, – голос Марины стал каким-то равнодушным и холодным. – Я и так слишком много сегодня наговорила. Ничего я вам не стану объяснять, Лиля. Скажу лишь, что Тенгиз меня не любил и, наверное, я никогда не буду ему нужна. А те, которые любили, тех уж нет, – она немного помолчала и вдруг выкрикнула:

– Ну, как мне объяснить вашему Володе, что ему лучше забыть меня? Иначе будет мучаться.

Я мало что понимал из того, о чём говорила Марина. Тут была какая-то тайна. Взрослая тайна. Невероятно прекрасный и ужасный потаённый секрет жизни старших. Это в болтовне соседского Мишки насчёт любви всё было просто и ясно. Он в деталях знал, как милуются мужчина и женщина, что они делают в постели, и даже – в каких позах, и зачем всё это выделывают – тоже знал: «Пацаны, такой кайф ловишь, когда забиваешь по самое не хочу и спускаешь всё, что есть. Пиз... ц! Будто на седьмое небо взлетаешь. Вот это и есть любовь. Наше дело не рожать: сунул, вынул и бежать. А вы чё думали?»

Если честно, то я думал совсем по-другому. То, о чём рассказывал Мишка, казалось мне отвратительным и грязным занятием. Ну, как это – всунуть свой писюн внутрь девчонки, которая тебе нравится? Ничего себе! Ей же больно будет. А с другой стороны мы, поселковые пацаны, видели собачьи свадьбы, и видели, что петухи делали с курами, а кролики так и вообще вели себя бесстыдно: занимались этим самым поминутно и без всякого стеснения. Судя по всему, животным нравилось соединяться. Но они – животные, а мы – люди. У нас всё должно быть по-другому. Но как именно? Этого я не знал.

Меня охватывала жаркая удушливая волна, когда Мишка, сплёвывая и поблескивая глазами, просвещал нас насчёт секретов половой жизни. Однажды, заметив моё смущение, он хлопнул меня по плечу и нагло засмеялся:

– Пашка, а ты Зойку уже долбил?

– Ты что! – я оторопел. – Она не такая...

Я хотел сказать, что она не из тех плохих девчонок, о которых рассказывал Мишка, но не стал продолжать мысль. Почему-то застеснялся, что пацаны засмеют меня. Они только и мечтали о том, чтобы поскорее испробовать то, что так красочно живописал Мишка.

– Ага, – загоготал он. – Я не такая, я жду трамвая! Все они так говорят. Не верь Зойке. Она на тебя так смотрит, что сразу ясно: даст! Даст, если хорошо попросишь.

Пацаны зареготали. И я совсем стушевался. Зойка и вправду смотрела на меня как-то по-особенному. Будто хотела сказать мне что-то очень важное, но не решалась. И ещё в её глазах порой читалось сожаление. Так обычно смотрят на тяжелобольных или дебилов. Но я, вроде, не относился ни к тем, ни к другим. Почему Зойка так смотрела? Я предпочитал об этом не думать.

А тут, услышав последние слова Марины, почему-то вспомнил об этом. И меня ожгла догадка: Зоя всем своим видом давала понять, что выбрала меня. Неужели Мишка прав?

Я неловко повернулся и задел пустое ведро, стоявшее рядом на стуле. Оно хлопнулось о пол – звук получился такой, будто ударили в колокол. Вдобавок ко всему ведро перевернулось на бок и, бренча дужками, покатилося по коридору в сторону Дуськиной лежанки.

Кошка, растревоженная шумом, вскочила, истошно замаякала и, увернувшись от надвигавшегося на неё ведра, кинулась в кухню.

– Что там такое? – вскрикнула мама. – Кто там?

Я не стал дожидаться, пока мама выйдет из кухни и обнаружит меня. Быстрая, тихая, на одних цыпочках пробежка – и вот уже лежу в своей постели, как ни в чём не бывало.

Мама вышла в коридор, включила свет.

– Никого, – сказала она. – Наверное, Дунька ведро уронила. Вскочила на стул и спихнула его, дурёха. Вон как сама перепугалась.

Марина тоже вышла в коридор. Женщины пожалели перепуганную бедолагу Дуньку, зачем-то поговорили о погоде: духота, мол, стоит, хорошо бы пошёл дождик, хоть немножко, чтобы освежить воздух; потом вспомнили, что обеим завтра на работу, время позднее, надо спать, а посидели они славно – стоит ещё раз такой девичник устроить, и вино было замечательное, совсем не пьяное... Ну, что? Спокойной ночи? Да, спокойной ночи!

Я слышал, как мама ещё немного побыла на кухне: звякали вилки, тарелки, стекло – наверное, она складывала посуду в тазик, чтобы я утром сразу увидел: надо мыть! Потом она погасила свет и ушла к себе в комнату. Я облегчённо вздохнул: кажется, они не догадались, что я нечаянно подслушал их разговор. И тут осторожно открылась дверь ко мне, и в лунном сиянии вошла Марина.

– Не спишь? – спросила она.

Я крепко-крепко сжал ресницы и не ответил ей.

– Ты что-нибудь слышал? – продолжала она. – Не притворяйся! Я нашла фонарик. Ты с ним во двор выходил, правда?

Фонарик, в самом деле, остался лежать в коридоре. Я забыл захватить его, когда ретировался в свою комнату. Ну, и растяпа!

– Давай договоримся, – сказала Марина. – Никому никогда не расскажешь о том, что я твоей маме говорила. Особенно – Володе. Даёшь слово?

Я по-прежнему сжимал ресницы и делал вид, что крепко сплю. Как младенец.

– Ладно, – усмехнулась Марина. – Спи. Знаю, что ты не болтун.

Она положила этот злосчастный фонарик рядом с моей подушкой и тихонько прикрыла за собой дверь. Но мне казалось: Марина всё-таки не ушла, притаилась где-то в комнате.

Я приоткрыл глаза: в жемчужно-сером свете, падавшем из окна, вся комната была как на ладони. Марину я не увидел, но – хоть умри! – она была где-то тут: я слышал её лёгкое дыхание, деревянные половицы – чу! – напряглись и вздохнули под её ногами; в воздухе витал её аромат: тонко пахло зеленью, солнцем и яблоками – теми яблоками, упругими и сочными, которые только что упали в траву, и от удара о землю хоть на одном из них обязательно трескалась кожица: выступившие капельки сока, вначале прозрачные как слеза, постепенно становились светло-коричневыми. Они застывали на трещинке подобно сукровице на разбитой коленке или руке. На побитые плоды слетались осы: они любили лакомиться застывшим соком. Мне тоже нравились такие яблоки: они были ароматнее и слаще обычных.

Я знал, что Марина специально обрывает с наших яблонь молодые листочки, сушит их на подоконнике, потом смешивает с какими-то травами – получается сбор, который она заливает кипятком. Этим настоем она мыла голову, и её волосы пропитывались ароматом нашего сада – тонкий, чуть слышный запах усиливался, стоило ей только поправить причёску.

И всё-таки, внимательно осмотрев комнату, Марины я не обнаружил. Она ушла, и она осталась: в воздухе витал её аромат.

Я не заметил, как уснул. И приснился мне сон. Будто я уже взрослый. Возрастом, наверное, как Володя. Себя я не видел, просто ощущение было такое: уже не мальчик, потому что встречные девушки с интересом смотрели на меня, подталкивали друг дружку локтями

и громко смеялись. Они почему-то всегда громко смеются, если хотят привлечь внимание парня. Или поют. Как, например, Зойка. Или могут спросить о чём-то: скажите, который час, или – где тут улица Советская, или – нет ли у вас, молодой человек, двух копеек: надо позвонить, а гривенник никто не может разменять... Но девушки не приставали ко мне с такими просьбами. Они просто смотрели на меня, и я понимал, что интересую их. Значит, я был взрослым и, может, даже таким же симпатичным, как Володя. Или папа. Или дядя Иван. Неважно, в общем. А важно то, что мне было как-то всё равно, смотрят ли мне вслед, и самому ни разу не захотелось обернуться...

Я шел по знакомым улицам, с кем-то здоровался, кого-то обходил стороной, насвистывал непонятно какую мелодию – то весёлую, то грустную, и был полон какого-то странного, томительного ожидания. Мне казалось, что сейчас, вон за тем поворотом, я встречу кого-то очень мне нужного. Но за поворотом никого не было, и я шёл дальше – сам не знаю, куда.

«Привет – привет... Как жизнь? Да ничего... Давно тебя не видела, очень рада. Да, конечно, я тоже рад, но спешу, извини... Как-нибудь потом, в другой раз... Привет-привет... Здравствуй – прощай... Да – нет... Пока-пока...» Ни с кем разговаривать не хотелось. Меня влекло куда-то прочь с центральной улицы – в тихие переулки, заросшие лебедой и одуванчиками дворики, в поселковый парк, где по воскресеньям на танцплощадке играл оркестр, а сейчас было спокойно и безмятежно.

Я поднял голову и увидел высоко в небе ястреба. Он парил над посёлком в синей лазури, и был таким одиноким, что мне немедленно захотелось составить ему компанию. Я оттолкнулся от земли и взлетел. То, что умею летать, не удивило меня. Это казалось мне чем-то таким же естественным, как ходить, бегать и прыгать.

Я даже не махал руками – просто поднимался всё выше и выше, а потом попал в поток тёплого воздуха, пахнувшего черёмухой и мокрой травой, – это был приятный, волнующий запах: от него почему-то сладко замирало сердце, и я лёг на воздушную струю так, как ложатся на воду: раскинул руки-ноги и покачивался, глядя на парящего надо мною коршуна. До него всё ещё было далеко.

Снизу люди что-то кричали мне, но я не вслушивался в слова. Мне не хотелось их слышать, тем более – что-то отвечать. Я наслаждался покоем, солнцем, свежим ветром. И мне было хорошо. Почти хорошо. А чего не хватало, я и сам не знал.

И тут я вдруг заметил, что коршун совсем не коршун. Птица сделала круг, второй и, когда приблизилась ко мне, оказалась девушкой. Она помахала мне рукой: «Я тоже умею летать. Привет!»

До этого я никогда не встречал в небе летающих людей, и потому удивился, что кто-то тоже может запросто кувыряться в сияющей лазури. Но ещё больше меня поразило то, что девушка походила на Марину. Мне стало весело и страшно. Я и подумать не мог, что на свете есть ещё одна Марина. Правда, эта была чуть-чуть другая: волосы светлее и длиннее, на правой щеке – маленькая родинка, какой у Марины не имелось, и глаза – ласковые, добрые, без тех серебристых льдинок, которые, бывало, мерцали во взгляде нашей квартирантки.

– Хорошо, что ты прилетел, – сказала девушка. – Я ждала тебя.

– Ты давно летаешь? – спросил я. – И кто тебя этому научил?

– Никто, – она рассмеялась. – Я сама всегда умела это делать. Что тут удивительного? Захотела летать – и лети!

– Но другие не умеют, – заметил я. – Наверное, им скучно жить.

– Невесело, это точно, – поддержала она. – Все люди с рождения крылаты. Они сами разучились летать.

– Разве можно этому разучиться? – удивился я. – Это же – как дышать!

– Но даже дышим мы по-разному, – снова засмеялась девушка. – Ты просто этого ещё не знаешь.

– А надо знать?

– Надо, – серьёзно ответила она. – Надо знать, чтобы всегда дышать полной грудью.

– Это само собой получается, – возразил я.

– Ты еще маленький, – снова рассмеялась девушка. – Как я раньше этого не заметила?

Мы рано с тобой встретились.

– Я не маленький, – возмутился я. – Разве ты не видишь?

Девушка взмахнула руками, как крыльями, и поднялась ещё выше. Её белые одежды развевались, и вся она походила на женщину с картинки в папиной книге о древнегреческих мифах.

Мне не разрешалось брать этот томик: мама считала, что иллюстрации в нём слишком уж откровенные, ещё, мол, подействуют на мальчика в нежелательном направлении. Что под этим имелось в виду, она не уточняла. А папа иронично качал головой и усмехался: «Искусство не может испортить. Древние прекрасно изображали красоту человеческого тела. Что может быть порочного в этом?» Мама с досадой махала рукой и, озираясь на меня, шептала папе: «Рано ему об этом знать...» Я всё слышал из своей комнаты, но вида не подавал.

Та сияющая, прекрасная воздушная женщина звалась Музой. Она прилетала к поэтам и помогала им писать стихи.

– Но я не Муза, – девушка прочитала мои мысли. – Я – это просто я, и никто больше. Ты видишь меня такой, но на самом деле ты видишь то, что хочешь видеть. И пока ты этого не поймёшь, останешься маленьким, даже если тебе исполнится сто лет.

Влажный тёплый воздух кружил голову, слабый фиолетовый туман узкими лентами опутывал сияющее пространство, блаженно пел жаворонок, и всё вокруг двоилось, колыхалось, расплывалось. Моё сердце бежало внутри тела, спешило, задыхалось, рвалось вперёд как одинокий бегун. Куда оно торопилось? Может быть, на финише его никто не ждал: все истомились и разошлись. А что, если там с самого начала вообще никого не было? Но сердце бежало, торопилось, волновалось...

– Это нетерпение сердца, – сказала девушка. – Нет мочи дожидаться того, что рано или поздно случится – вечно мы торопим и события, и самих себя. Но, может, не стоит этого делать, а? Недаром народ говорит: поспешишь – людей насмешишь...

Она вдруг заговорила скучным, бесцветным голосом, и мне это не понравилось. Девушка словно хотела вернуть меня в привычный мир, где ценится разумность и правильная жизнь, которая движется по скучному, но понятному кругу, и где нет этих сумасшедших часиков, стучащих прямо в сердце.

– Но ты должен туда идти, – шепнула девушка. Она каким-то образом оказалась рядом со мной, хотя ещё секунду назад парила в губительных высях.

– Но если хочешь, я открою тебе один маленький секрет, – она почти прикоснулась губами к моему уху, и меня будто током ударило. – Ты хочешь знать, что такое любовь? Это то, что ускоряет всё внутреннее в человеке до скорости света – ослепительное безумие, пароксизм души, самосожжение в яростном огне желаний... Милый мальчик, ты этого хочешь?

– Да! – в восторге крикнул я.

– Какой ты ещё глупый! – она залилась пронзительным смехом, похожим на звон колокольчика. – Но ты смелый...

Она засмеялась ещё громче, и я вдруг стремительно начал падать вниз. В ушах гудел ветер, меня мотало из стороны в сторону, подбрасывало и вертело вверх тормашками, небо смешалось с землёй, и я, потеряв ориентацию, закрыл глаза, чтобы хоть немного придти в себя. А колокольчик звенел всё громче и громче, и это уже был не женский смех – это было явно что-то другое.

Яоткрыл глаза. И увидел над собой привычный потолок. Подо мной – кровать. И никакой девушки, похожей на Марину, и в помине не было. Но колокольчик – звенел!

– Ты ещё увидишь меня, – донеслось откуда-то сверху. Я поднял глаза, но никого не обнаружил. Может, это был остаток сна, который ещё не совсем прошёл? Не знаю. Но голос прозвучал совершенно явственно. И колокольчик по-прежнему звенел громко.

Его звуки явно доносились с улицы. Я прошлёпал босыми ногами к окну, отодвинул занавеску и увидел Зойку. Она улыбалась и, высоко подняв руку, трясла сияющий серебром колокольчик.

– Вставай, лежебока! – крикнула Зойка. – Ты чуть не проспал самое интересное: в сельпо дают лощенные тетрадки – и обычные, и общие. Я очередь заняла. Давай, быстрее собирайся!

Лощенные тетрадки – это, если кто не знает, дефицит советской эпохи. Листы в них были покрыты каким-то особым составом: проведешь рукой – ни единой шероховатости, гладкие, будто парафином намазанные. Шариковая ручка сама скользила по такой бумаге, любо-дорого посмотреть. А в обычных тетрадках бумага была сероватая, чернила на ней растекались, а паста шариковой ручки оставляла слабые следы: иногда приходилось дважды обводить одну и ту же букву, чтобы добиться чёткости.

– Сейчас! – крикнул я в ответ. – Но мне надо ещё к матери на работу за деньгами забежать.

Зойка перестала звонить в колокольчик и спросила:

– А почему ты не спрашиваешь, откуда у меня колокольчик взялся?

Вообще-то, мне это было неинтересно, но я решил уважить соседку:

– И откуда же?

– Ваша квартирантка дала.

– Чего это вдруг?

– А когда я утром побежала в сельпо, то встретила её там: она ведь может без всякой очереди в магазин попасть, – зачастила Зойка. – Выходит она, значит, на крылечко, в руках – этот самый колокольчик. Увидела меня и говорит: «Директриса школы просила достать ей новый колокольчик, Старый-то у вас, вроде, на ладан дышит. Будь добра, передай ей. А с вашей директрисой мы потом сочтёмся». И уже, было, пошла, но вернулась: «А Пашка-то проспал тетрадки. Сбегала бы, разбудила бы его, а?» Вот колокольчик мне и пригодился! Слышь, какой громкий?

Зойка, довольная, рассмеялась и снова звякнула колокольчиком. В нашей школе была такая традиция: не смотря на то, что есть электрический звонок, большая перемена обязательно объявлялась с помощью колокольчика. Дежурный ходил от класса к классу и звонил в него. Откуда взялась такая традиция, никто уже не помнил, но она свято соблюдалась.

– Не жди меня, – сказал я Зойке. – Мне ещё зубы почистить надо...

Ой, да кто там внимание на тебя обратит? – рассмеялась она. – Чищенные – не чищенные, какая разница? Потом себя в порядок приведёшь.

Ага, подумал я, шас, ещё чего не хватало, чтоб изо рта несло как из помойного ведра. Ещё совсем недавно маме стоило больших усилий заставить меня взять зубной порошок и щётку. Мало того, что порошок рассыпался, пачкая майку, так ещё приходилось тратить время на медленные, утомительные движения щеткой во рту. И умывался тоже быстро: раз-раз, сполоснул лицо, протёр глаза, пошлепал мокрой ладонью по носу – и всё, баста! Считалось, что мальчишкам нечего размываться по полчаса да наводить лоск – они ж не девчонки изнеженные, которым вечно кажется, что они как-то не так выглядят. Нам-то, пацанам, чего красоту наводить?

Но однажды случайно я услышал, как Марина говорила маме о том, что от некоторых поселковых парней несёт так, будто они в баню никогда не ходят – противно, таких за кило-

метр обойти хочется, а они ещё чего-то из себя воображают: лезут знакомиться и всё такое, красавцы немытые!

Это произвело на меня впечатление.

Теперь я готов был плескаться как утка – хоть всё утро, лишь бы ни одна девчонка не произнесла презрительно: «Грязнуля!» А то и что-нибудь похуже.

Зойке, однако, на это было наплевать. А может, она только вид делала? Ведь ей хотелось быть, что называется, своим парнем. Вместе со мной она, например, излазила все высокие деревья, какие имелись в округе. Мы забирались туда не просто так и не только из баловства. Во-первых, с высоты посёлок казался совсем другим, и всё было видно как на ладони. Во-вторых, у нас был период увлечения индейцами, которые, как известно, строили шалашики в развилках деревьев. Мы их тоже строили. А в-третьих, когда у сорок выводились птенцы, нам хотелось на них посмотреть. А попробуй-ка долезь до сорочьего гнезда один, когда рас-тревоженные белобоки храбро летают прямо у твоего лица, норовя лупануть крылом или ударить клювом. Тут кто-то должен их отгонять.

Но дело даже и не в том, что Зойка хотела считаться своим парнем. Ей почему-то не нравилось, когда другие девчонки обращали на меня внимание, или когда я сам выделял кого-то из их девчачьего племени.

В общем, я почти не соврал, когда сказал, что не могу выйти сию минуту. Но дело было не только в утреннем туалете, а ещё и в том, о чём девчонки, наверное, вообще не подозревают. Потому что у них нет того, что есть у парней. А то бы они знали, что ни с того, ни с сего этот отросток, именуемый писюном, начинает вести себя по утрам странно: наливается кровью, твердеет и превращается в крепкий стержень.

Когда это произошло у меня впервые, я даже испугался. Подумал, что со мной приключилась какая-то страшная болезнь. К тому же, в трусах было мокро от чего-то липкого и тёплого. Эта непонятная жидкость вылилась из меня во сне, и я не знал, что и подумать. А тут ещё этот столбняк, охвативший невинный писюн. К счастью, он быстро сошёл на нет, а то я вообще бы запаниковал. В паху, правда, осталась тихая ноющая боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.